
Денис Старый
Завет Петра 9
Падение Левиафана

Денис Старый

Завет Петра 9.
Падение Левиафана

«Автор»
2026

Старый Д.

Завет Петра 9. Падение Левиафана / Д. Старый — «Автор», 2026

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.Вот только сначала нужно не дать себя добить.

© Старый Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 23
Глава 5 29
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Денис Старый
Завет Петра 9. Падение Левиафана

Глава 1

Киев.

12 июля 1726 года.

Императорская резиденция, одна из достойнейших в стране — уступающая разве что Кремлю с его особой, тяжело-ретроградной атмосферой, — была наполнена первыми лицами Российской империи. Киев, пожалуй, с глубокой древности не видел такого представительства. «Мать городов русских»... Киев — мать! Ну да ладно. Понятно же, в каком смысле это сказал новгородский князь Олег, если верить летописцу.

Я уже не раз отмечал про себя, что управляемость страной из Киева по логистике ничуть не уступает Петербургу. Хотя, если уж быть до конца честным, Москва в этом плане — самое удобное место, особенно если вплотную заняться трактами. Туда, словно в Рим, вели все дороги.

Но Питер предавать я не стану. Лишившись статуса столицы, он просто исчезнет, сгинет в болотах. История, та, которую я худо-бедно знаю, имеет пример. Когда Петр II перенес столицу вновь в Москву, Петербург захирел так, что превратился за месяцы в город-призрак.

И куда тогда списывать вложенные десятки миллионов рублей? Чем оправдать загубленные при строительстве человеческие жизни? «Взялся за гуж — не говори, что не дюж», как говорят в народе. А если перефразировать: начал строить Северную Пальмиру — нечего теперь давать заднюю. Надо только добавить чуть больше ума и системности: поставить новые кирпичные заводы, а может, и вовсе освоить производство строительных блоков.

Обо всем этом я размышлял, слушая доклады министров о состоянии государственных дел. Главный вопрос, разумеется — война. Жаль, что мне всё ещё приходится терпеть Голицына, чья некомпетентность с каждым днем становится всё более очевидной. Упертый ретроград. А мы ведь сейчас в военном искусстве шагаем вперед семимильными шагами.

Но пока ничего не поделаешь. Прямо сейчас решается вопрос, кто займет кресло военного министра: Ласси или Матюшкин? И, как это ни удивительно, главным мерилом здесь станет не полководческая удача, а способность к сухой кабинетной работе. Империи сейчас нужен хороший администратор, а не лихой полевой командир. Ласси пока выглядит фаворитом в этой аппаратной гонке. Впрочем, может статься, что за то свое недавнее и весьма неоднозначное сражение он и вовсе отправится в отставку.

— Михаил Михайлович, — негромко, но так, что голос эхом отразился от сводчатого потолка моей резиденции, бывшего дворца митрополита, обратился я к князю Голицыну. — Я рассчитываю на то, что вам уже известны в мельчайших подробностях итоги того сражения, которое состоялось намедни на Перекопском перешейке. Докладывайте.

На самом деле, кривить душой не стану — эти подробности могли бы быть доступны мне еще до начала совета. Фельдъегерь, загнанный в мыло, прибыл час назад. Если бы я только пожелал, пакет с сургучными печатями лег бы на мой стол первым. Но я сознательно приказал передать депешу в военное ведомство.

Это было делом принципа. Моей главной задачей как попаданца было не просто выиграть войну, а перестроить саму систему управления неповоротливой Империей. Каждое ведомство должно — нет, обязано! — заниматься своей работой, анализировать данные и предлагать решения, а не играть роль слепых передатчиков.

Если я уподоблюсь своему предшественнику в этом теле и стану единственным «бутылочным горлышком», куда стекается вся информация от цен на овес до калибров пушек, то министерства атрофируются. Они просто разучатся реагировать на изменения обстановки без царского окрика. А государство, висящее на ниточке жизни одного человека — колосс на глиняных ногах.

Конечно, тут вопрос о самодержавии можно ставить, если уж не кривить душой. Но и поставлю. Система для меня важнее. Управляемость страной не может зависеть только лишь от того, какой монарх, как он себя чувствует, похмелился ли, удовлетворил ли похоть. Не дай Бог, когда и такие факторы влияют.

Пусть я и за сам факт самодержавия. Но уже думаю о форме, которая несколько бы ограничивала роль императора, но не давала возможностей для демократического хаоса. Как найти золотую середину? Если бы на этот вопрос был ответ, то мир уже давно был бы справедливее. Давно, это даже к восемнадцатому веку.

Между тем, Голицын медленно поднялся. Его расшитый золотом мундир тускло блеснул в свете канделябров. Породистое, изрезанное морщинами лицо старого вояки оставалось непроницаемым, но в выцветших глазах плясали торжествующие искры.

— Известны, Ваше Императорское Величество, — ровным, чеканным голосом произнес фельдмаршал, разворачивая на столе карту Северного Причерноморья. — С превеликой радостью имею честь доложить: турецко-татарский заслон у Ор-Капу смят и опрокинут.

— Ты что, скотина, лепечешь? – выкрикнул я. – Ор-Капу и так наш. Или решил, что я географию не знаю?

Галицын застыл изваянием, лишь только водил испуганными глазами из стороны в сторону.

Вашу же налево через дышло! Читают реляции бездумно. Это я подстроил. Надиктовал всякую чушь, вместо непосредственной реляции. Добавил правды, но описал все так, словно бы Перекоп был не наш и что мы должны были брать его штурмом. И мне сейчас это же и докладывают.

— Михаил Михайлович... Это было последней каплей. На почетный отдых! – я пальцем указал на дверь. – Пенсион вам не потребен. Земли вдоволь у вас.

Потом посмотрел на Остермана.

— Андрей Иванович, а что да дурь творится в министерствах? Не вы ли обязанности имеете следить за тем неусыпно? Бумажка, дурная, где написана хлустня, лжа, шутливая даже, попадает министру, а он мне доклад на основе этой бумажки дает? – я подошел и взял за ворот Остермана, подтянув его тщедушное тело к себе. – Порядок не наведешь, сам слетишь. Не мне всех под надзором держать. Понятно ли тебе?

Тот испуганно закивал. И почему постоянно нужно давать встряску, чтобы работали и не расслаблялись? Как будто бы мне это в радость вот так с людьми обращаться. Да ни разу. Но уже понял, что иначе, с другим подходом, не получается. Если нет страха передо мной, нет работы, мотивация стремится к нулю.

Нет, все равно, мое настроение от рождения внучки никто не испортит.

— Все, будет вам. Давайте поговорим о том, что дале делать станем. И вы, канцлер, отправляйтесь уже в Вену. Нешта Румянцев не справляется. Где австрийские полки, перешедшие границу с турками и начавшие войну? – сказал я.

— Завтра же, ваше императорское величество, – сказал Остерман, вытянувшись по струнке.

— Завтра не нужно. И вовсе. По случаю рождения внучки, сегодня в ночи ассамблею объявляю, – сказал я. – Но сперва обсудим все... и промышленность и развитие Новороссии, и войну. Особливо о флоте поговорить нужно. Без кораблей эту войну не выиграть. Так что слушаю...

***

Устье Дуная.

12 июля 1726 года.

Мог ли хоть кто-нибудь из лощеных европейских генералов, привыкших к неспешным маршам по брусчатке, вообразить такую скорость? Отряд Корнея Чеботаря двигался не по правилам классической военной науки — он летел по Дикому полю, словно степной пожар.

Две с половиной тысячи человек, чуть больше, съедали версты с жадной, пугающей быстротой. Каждый кавалерист шел «о двуконь» — вел в поводу запасную, заводную лошадь, меняя седло на ходу, чтобы не загнать скотину насмерть. Те же, кому предстояло рубиться в пешем строю или рассыпаться егерской цепью, тряслись на тяжелых фургонах, выходя из них не некоторое время, но при этом не шли, а трусцой бежали рядом.

Каждую такую повозку, крытую просмоленной парусиной, тянула четверка мылящихся, храпящих от натуги лошадей. Но и им нужно было отдыхать. Возы были тяжелы.

Где позволял рельеф, где выжженные солнцем шляхи были мало-мальски сносными, эта армада неслась почти вдвое быстрее идущего скорым шагом человека. Пыль стояла столбом, скрипели немазаные оси, люди задыхались от зноя, но не прошло и трех суток изматывающей гонки, как отряд, покрытый серой коркой степной пыли, лег на землю в окрестностях Хаджибея.

Этот городок-крепость не был целью отряда, у которого все же стояли куда как более сложные задачи. Хаджибей оставался на откуп другим русским силам, но без внимания не останется. Вот только о том, что этот город в планах русского командования, чтобы окончательно отрезать логистику по земле, Чеботарь не знал.

— Если лихо ударим, Корней Иванович... Да еще ряженными подойдем, под турецкий конвой закосим — к утру город наш будет, — хрипло докладывали Чеботарю вернувшиеся из дозора разведчики.

Чеботарь долго молчал. Его обветренное, потемневшее от солнца лицо оставалось непроницаемым. Он медленно разглаживал жесткую отросшую бороду, глядя в сторону виднеющихся вдали минаретов. Соблазн был велик — взять крепость малой кровью. Но он помнил тяжелый взгляд Государя Императора и его тихие напутственные слова.

— Нет. Нам нужны другие трофеи, — сухо отрезал Корней. – Хотел бы его величество взять Хаджибей, так и сказал бы. Но у нас иное. И не след размениваться, даже если мы и видим возможности малой кровью отделаться, но взять больной трофей.

Хотя никто не осудил бы Корнея, если бы он взял город. И наградили бы. Отряду предоставлялось право выбирать тактические цели, но стратегическая задача лежала совсем в иной плоскости.

Империя Османов должна была запылать изнутри. Вся эта дерзкая, балансирующая на грани самоубийства экспедиция затевалась ради одного: измученные вековым игом народы Балкан — сербы, валахи, хорваты, болгары — должны были понять, что час пробил. Нужно было показать им, что Россия уже здесь, что ее солдаты готовы резать турецкие коммуникации. Не возьмутся за оружие сейчас, не поднимут восстание завтра — уникальный исторический шанс будет безвозвратно упущен.

Именно поэтому тяжелые фургоны ломились не от провианта. На дне повозок покоился настоящий арсенал: тяжелые ящики с новейшими русскими штуцерами. Смертоносный груз, предназначенный для того, чтобы устроить сущий ад если не в самом сердце Блистательной Порты, то в ее печенках. Не так много, на самом деле, но даже три сотни штуцеров могут натворить в глубоком турецком тылу столько бед для османов, что кровью умоются. А для угнетенных появится возможность, наконец, решиться на победу.

Двое суток отряд Чеботаря таился, как хищник перед прыжком. Две с половиной тысячи человек, разделенные на малые группы, прятались в неглубоких складках степи и редких перелесках, стараясь не выдать себя татарским разъездам.

Хаджибей был важным логистическим узлом турок. Если бы взятие этой небольшой крепости могло перерезать сухопутную артерию огромной османской армии, Чеботарь рискнул бы своими людьми. Но горькая правда заключалась в том, что основные поставки шли морем.

С холмов Корней видел пузатые силуэты турецких транспортов на горизонте. Пока русский флот не соберется с силами, пока строящиеся в Воронеже вымпелы, фрегаты, хотя по сути это небольшие шлюпы, уступающие османским галеонам и в пушках, и в водоизмещении — не выйдут в Черное море, перерезать снабжение было невозможно.

— Жаль, браты, но нужно дальше идти. Но послать до государя вести, что город сей словно бы и не ждет войны, нужно, – сказал Чеботарь, до того уже отдав приказ на выдвижение.

Как раз очередная проверка прибыла из Хаджибея, документы смотреть, да взятку вымаливать. Но в той части авангарда Чеботаря, который протаривает дорогу для других отрядов, с документами все было в порядке, как и наличествовали туркоязычные.

Оставив Хаджибей за спиной, отряд двинулся дальше на юг. Пробирались скрытно. Местность менялась: сухая степь уступала место густым зарослям кустарников, бесчисленным речушкам и соленым морским лиманам. С каждым переходом воздух становился всё более сырым. Впереди, за завесой туманов, несла свои темные, свинцовые воды главная преграда — великий Дунай.

Позади остался и Аккерман — грозная твердыня, чьи зубчатые стены вырастали прямо из скалистого берега лимана. Чеботарь лично выезжал на рекогносцировку к этой крепости и долго смотрел на её высокие, неприступные башни. Взять такую с наскока было бы самоубийством.

— Вот, браты, что значит, что комендант крепости, скорее всего достойный и порядок держит! И крепость готова к обороне и в ворота лихо не проскочишь, – наставительно говорил командирам Чеботарь.

Позади остались и наезженные шляхи, где то и дело уже тянулись густые вереницы турецких обозов и поднимали пыль конные разъезды.

Вскоре впереди показались силуэты Измаила. К удивлению Корнея, эта крепость его совершенно не впечатлила. Обычное, заурядное укрепление, чьи земляные валы и каменные куртины давно и отчаянно требовали ремонта. Османы, видимо, считали, что война сюда не докатится, и потому не придавали Измаилу почти никакого значения. Местный гарнизон лишь поддерживал видимость грозной цитадели, кое-как маскируя осыпающуюся кладку и гниющие палисады. Никто здесь даже не задумывался, способна ли эта ветхая твердыня выдержать настоящую, длительную осаду.

Разумеется, передвижение двух с половиной тысяч вооруженных людей в глубоком вражеском тылу не могло оставаться полностью незамеченным. Это была игра со смертью. Но сам Чеботарь и та горстка ветеранов, что составляла стальное ядро его отряда, давно привыкли к подобным авантюрам. Они жили тем особым, пьянящим чувством опасности, при котором животный страх отступает перед холодным азартом. В иную эпоху их назвали бы безумцами, ищущими адреналина, но здесь и сейчас это были просто люди, которым война заменила кровь.

Однако Корней уповал не только на слепую солдатскую удачу. Операция прикрытия была продумана до мелочей. В авангарде шла специальная группа, набранная из крымских армян и понтийских греков, идеально владевших языком. Одетые в турецкое платье, они безупречно разыгрывали роли османских офицеров и интендантов. На руках имелись первоклассные фальшивые подорожные. При малейшей опасности они уверенно сыпали номерами конкретных янычарских орт и кавалерийских полков.

Трижды отряд останавливали для проверки. Трижды они проходили досмотр. Два раза пришлось откупаться тяжелыми кошелями с серебром. Бакшиш творил чудеса — Османская империя была насквозь изъедена коррупцией, и звонкая монета здесь давно заменяла воинский устав и бдительность.

И всякий раз Корнею удавалось отвести любопытные взгляды от тяжелых, наглухо закрытых фургонов. Если бы хоть один турецкий ага откинул пыльную парусину, судьба отряда решилась бы в ту же секунду. Там, в полумраке, пахнущем ружейной смазкой и потом, пряталась смерть. Внутри были скрыты новейшие, еще невиданные врагом русские многоствольные картечницы, установленные на вертлюгах тяжелые короткоствольные карронады и готовые к бою солдаты, молча сжимающие штуцера.

Впрочем, на самый крайний случай у Чеботаря имелся абсолютный козырь. Оригинал султанского фирмана — разрешительной грамоты с личной печатью-тугрой самого падишаха, снятой с тела перехваченного столичного гонца. Искусный писарь лишь слегка подскоблил пергамент и втиснул пару нужных слов. С этой бумагой отряд превращался в особую колонну, выполняющую тайную волю султана на пути в Константинополь, и послать к черту можно было любого османского пашу.

Но удача не могла длиться вечно. Сейчас, когда Чеботарь и его сотники, бросив коней в балке, ползли на животах сквозь камыши к переправе у Исакчи, стало ясно: маскарад окончен. Дальше придется прорываться с кровью.

Исакча была одним из немногих мест на всем Нижнем Дунае, где к реке вообще можно было подойти большими силами. Да, здесь тоже хватало коварных стариц, заросших озер и топких ручьев, но грунт был достаточно твердым, чтобы выдержать тяжесть артиллерии и фургонов. Именно здесь русло великой реки делало резкий изгиб и сужалось до ширины менее одной версты. Впереди, за свинцовой гладью воды, их ждал враг.

Ширина русла здесь хоть и была минимальной, но никто не отменял ни тяжелых, свинцовых волн, ни стремительного, закручивающегося воронками течения, ни пугающей глубоководности реки. И всё же, если с самой античности, со времен римских легионов, люди упрямо выбирали именно Исакчу для форсирования Дуная, то и армиям XVIII века оставалось лишь следовать их примеру. Ничего более удобного природа здесь просто не создала.

— Если пойдем напролом, нас накроют артиллерией. Сомнут, как кур в ощип попадем, — мрачно проронил Чеботарь, не отрывая взгляда от противоположного берега. Он с затаенной надеждой посмотрел на своих сотников: может, хоть кто-то из них родит спасительную идею?

— Твоя правда, командир. Крепеж ихний прямо над переправой на скале висит. Начнут бить каленым ядром сверху — живого места не оставят, — хмуро отозвался Игнат Коростылёв, один из троих самых близких соратников Чеботаря. — Даже если мы подгадаем момент и ворвемся на понтоны, когда там будет идти очередной османский полк, турки с батарей ударят прямо по своим. Басурманам своих янычар не жалко, лишь бы нас потопить. А бумагами султанскими от пушечного мяса не прикроешься.

— Не каркай о том, что и так ясно. Ты мне скажи, как из этой петли выскользнуть! — жестко оборвал его Корней, раздраженно срывая травинку.

Они сидели на корточках в густых, в человеческий рост, зарослях камыша. Нижний Дунай был прошит бесчисленными ручьями, озерами и заболоченными старицами, и потому тростник тянулся вдоль берега сплошной, непроницаемой стеной. С одной стороны, это давало отличную маскировку — можно было скрытно подойти к самому урезу воды. Но с другой…

— Ты предлагаешь взять эту твердыню? – удивленно спросил Игнат.

— А не пора ли показать туркам, чего мы стоим? А еще... тут переправа. Разрушим ее, остановим переброску подкреплений по земле. Может это и станет залогом побед на Перекопе. Наших побед...

— Как прикажешь... И нелегко будет нам.

— А легко только с бабой на печи миловаться, – усмехнулся Корней.

— Не скажи, командир... неудобно там, – сказал с серьезным лицом один из соратников Корнея.

— Так она у тебя огроменная, пудов на десять будет... печь того и гляди развалится, да и не залезет такая, – усмехнулся Игнат.

И все засмеялись. С таким вот настроением воины решались на бой, где не только нужно было крепость взять, но еще и разбить два полка турецких, который в это самое время переправлялись через Дунай. Силы не равны, не в пользу русских.

Глава 2

Исакчу.

12 июля 1726 года.

Дунай — не спокойная речушка средней полосы. Это могучий, своенравный зверь. Вплавь или на хлипких лодочках тут не переберешься: течение мгновенно снесет и перевернет всё, что легче тяжелого баркаса. Чтобы перебросить две с половиной тысячи человек с пушками и фургонами, требовалось натянуть через реку толстые швартовые канаты и пустить по ним тяжелые паромы. Но где взять материал? Вокруг на многие версты простирались лишь плавни да чахлый ивняк. Доброго строительного леса, чтобы быстро связать крепкие плоты, не было в помине.

Кто-то из молодых горячих офицеров предложил было завиральную, отчаянную идею — вязать плоты-фашины прямо из сухого камыша. Но её тут же с матом отмели: камыш впитает воду и пойдет ко дну на середине реки вместе с людьми и драгоценными штуцерами.

Еще до начала похода, склонившись над картами в петербургском кабинете, Чеботарь понимал, что именно форсирование Дуная станет самым страшным испытанием.

— Лучше всего перейти его незаметно и быстро. Но если увязнешь, если не выйдет взять Исакчу — придется забирать сильно западнее, уходить в земли Священной Римской империи. А это нам, брат, ох как невыгодно по многим политическим причинам, — вспоминал Корней тихий, напряженный голос Государя Императора во время их последней встречи. — Как тебе захватить эту переправу, я советовать не могу. Там, на месте, сам решай.

Только теперь, вдыхая гнилостный запах дунайских болот, Чеботарь в полной мере осознал правоту императора. В какой-то момент малодушная мысль действительно шевельнулась в голове: плюнуть на всё, развернуть отряд, уйти к молдавской границе и пробираться окольными путями в сторону венгерских земель, чтобы спрятаться за австрийскими кордонами.

Но как же не хотелось подставлять Государя! Если они отступят к австрийцам, те получат козырь в дипломатической игре. Венский двор только и ждет повода ткнуть русских носом: мол, посмотрите, мы спасаем ваши отряды, мы всецело помогаем в войне!

Хотя на деле от этой «помощи» не было никакого толка. Чеботарь, получавший сводки от разведки, прекрасно знал: австрийцы стянули огромные силы к Белграду, бряцают оружием у границ, но не делают ни единого шага вперед. Венские дипломаты трусливо прикрывались международным правом: дескать, у них с Османами мирный договор, и для начала военных действий нужен веский «казус белли». И даже всеобъемлющий, скрепленный кровью союзный договор с Российской империей почему-то не считался в Вене достаточным поводом, чтобы ударить туркам в тыл.

Они были одни. Перед ними лежал холодный Дунай, на высотах скалилась пушками Исакча, а за спиной захлопывалась ловушка.

Австрийцы вели извечную, циничную игру кабинетов — ту самую прагматичную партию, в которую позже, усвоив горькие уроки, научится играть и сама Россия. И в Вене, и в Петербурге это прекрасно понимали. Двуглавый орел Габсбургов просто выжидал, расправив крылья над границей, готовый стервятником пасть на добычу. Вся Европа замерла в ожидании вестей о решающих баталиях. Кто выйдет победителем из этой мясорубки, к тому и примкнет «верная» Австрийская империя. Если османы раздавят русские полки — австрийцы так и останутся стоять в своих лагерях, даже не помышляя переходить границу. Но если победит Россия, если этот дряхлеющий османский Левиафан получит смертельную рану, от которой уже не оправится — Вена тут же бросится «помогать», чтобы отхватить свой кусок при дележе рухнувшей империи.

Корней резко выдохнул, отгоняя лишние политические мысли. Перед ним был Дунай и враг.

— Нам нужна крепость! — хрипло, но твердо заявил Чеботарь.

Возникла секундная пауза. А затем его соратники — подчиненные, но связанные с ним той особой, кровавой окопной порукой, где порой стираются чины, — вдруг заулыбались. Они начали переглядываться, пряча усмешки в пропыленные усы.

— А я вам что говорил?! — тихо, но довольно оскалился Игнат Коростылёв, заглядывая в глаза каждому из товарищей. — Гоните монету, черти. С каждого по пять рублев!

Чеботарь нахмурился, тяжело посмотрев на сотников.

— Вы что, черти драные, еще и спор держали? Да на деньги? На то, что я решу штурмовать эту цитадель?

В этой короткой фразе смешались и минутное раздражение, и мрачная веселость — словно проблеск света в сгущающейся тьме самоубийственного похода. Но в глубине души Корнею неприятно кольнуло. Ему не понравилось, что его читают как открытую книгу. Что его командирская мысль кажется им столь предсказуемой.

Это уязвленное чувство заставило его вновь, уже с холодным рассудком, перебрать в уме все возможные варианты — кроме позорного бегства в сторону. Можно было попытаться переправиться в районе Измаила. Но разведка, которая чуть ли не по бревнышку срисовала тамошние укрепления, донесла: у турок там от силы пять небольших, обветшалых галер. Да, взяв крепость, можно было бы пустить строения на плоты. Но именно у Измаила Дунай ревел с пугающей скоростью, а твердый подход к воде имелся лишь под самыми пушками цитадели. Вокруг же расстилались такие гиблые, бездонные топи, где не то что тяжелую телегу со штуцерами — пешего солдата засосет насмерть.

Была еще Силистрия, лежавшая северо-западнее. Но внутреннее, звериное чутье подсказывало Чеботарю, что и эта крепостица не сулит ничего хорошего — те же гибельные плавни и турецкие батареи.

А вот здесь, у Исакчи...

— Если мы захватываем крепость на холмах, то мы автоматически держим и саму переправу, — размышлял вслух Чеботарь, раздвигая жесткие стебли камыша и вглядываясь в противоположный берег. — Она ведь уже готова. Стоит целехонька. И наводили ее, к гадалке не ходи, не турки, а французские инженеры...

Перед ними, покачиваясь на темной свинцовой воде, лежал шедевр военной логистики. На крепко сшитых плоскодонных лодках покоились толстые, идеально подогнанные бревна настила. Переправа была необычайно широкой, намертво стянутой корабельными канатами. Тяжелые кованые якоря впились в речное дно, не давая стремительному течению разорвать мост.

— Вы только поглядите, — с мрачным восхищением закончил Корней. — По такому настилу тяжелая обозный тяжелый воз пройдет, даже не скрипнув. Я таких переправ отродясь не видывал... Не турка сие ставила, думаю я.

— Да в чем разница-то: турка, али не они.... Командир, да понимаем мы, чего ты больше всего опасаешься, — голос Игната Коростылёва упал до хриплого, напряженного шепота. — Думаешь, обломаем зубы об эту каменную кость, не возьмем твердыню. И стены тут каменныя, такие добре пушками молотить, в миг посыпятся, а так... Сложно. Но ты только глянь: ворота распахнуты, обозы прут сплошняком, никто их не щупает. Мы же не обнаружили себя, значит, сможем зайти, как мыши в амбар. Крепостица невелика. Да, на холме, поэтому придется войти тихо, под видом интендантов, и начать вырезать караулы без единого выстрела. А как зачистим ворота — впустим конных.

Игнат указал рукой с зажатым в ней пучком камыша в сторону реки.

— Главное — запереть верхние ворота и выстроить фас обороны там, внизу, у самой воды. Чтобы те турецкие полки, что сейчас идут по понтонам — а их там, судя по знаменам, не меньше двух — не опрокинулись на нас. Сам посуди, Корней: полк на переправе — это не строй, это неповоротливое стадо. Пушки на телегах, порох зачехлен, аскеры на воде качаются. Если ударим с ходу, пока они отрезаны от своего обоза, мы их на берегу прямо в капусту покрошим! — Коростылёв оглянулся на остальных сотников, и те ответили ему мрачными, согласными кивками.

Корней Чеботарь крепко зажмурился. Сквозь багровый сумрак сомкнутых век он, как учил его когда-то Государь, шаг за шагом прокручивал в уме рисунок предстоящей бойни. Он вслушивался в себя, пытаясь понять: не вопит ли его звериное чутье? Не кладут ли они прямо сейчас свои буйные головы в пасть матерому волку, самонадеянно решив, что зверь стар и беззуб, тогда как в темноте уже влажно блестят его клыки?

Тревога, безусловно, жгла грудь ледяным холодом. Но была ли это интуиция, предчувствующая неминуемую гибель, или же тот самый неизбежный, липкий предсмертный мандраж, без которого не идет в сечу ни один человек из плоти и крови? Корней так и не смог с этим разобраться. Выбор был сделан. Рубикон, точнее, Дунай, нужно было переходить.

— Нет... иначе нужно тут. Не только нахрапом и на авось, пусть и без оного не обойтись. Нужно думать, как внутри оборону держать, да ворота не отдать. Большим скопом не подойти – то верно. А вот по хитрости... Слушай, браты, как поступать станем...

***

— Да как ты смеешь преграждать мне путь, нечистое животное?! — пронзительный, срывающийся на визг голос Ахиллеса Аристобуса хлестким эхом ударил в каменные своды ворот Исакчи. – Тому, кто вхож в гаремы падишаха нашего? Да стоит мне...

Грек виртуозно играл свою роль. Полноватый, с абсолютно безволосой, блестящей от пота головой, облаченный в богатый шелковый халат, он отыгрывал султанского евнуха. Правда такой типаж был более верный к временам более ранним. Но архетип сохранился в умах турок, такими они евнухов представляли, те, кто не был никогда у султана на приеме, уж тем более у входа в гарем. К концу XVIII века эта братия, евнухи, всё реже использовалась для дипломатических поручений, но в понимании любого турка — от простого янычара до визиря — генетический страх перед посланниками Гарема оставался незыблемым.

Евнух в Османской империи — это не просто калека, лишенный мужского естества. Это тень самого падишаха. Считалось, что то, чего эти люди недополучили от природы, с лихвой компенсировалось их изощренной, ядовитой злобой, мстительностью и коварством. Связываться с ними было себе дороже. Роль этого теневого государственного института была чудовищной: в народе шептались, что если султан слаб, значит, империей управляют «ночные кукушки» из Гарема, а их верные цепные псы-евнухи диктуют волю визирям.

Ахиллес вел себя именно так, как и подобало высокопоставленному капы-аге: надменно, чванливо, брызгая слюной и топча ногами всякое почтение к гарнизонной страже, которая уже начала неуверенно переминаться с ноги на ногу.

Но самым мрачным и трагичным в этом маскараде было то, что грек не притворялся. Он действительно был скопцом. Судьба жестоко обошлась с Аристобусом задолго до того, как он пристал к русскому отряду. И если бы упрямый турецкий караульный вдруг приставил к его жирной шее кривой ятаган и потребовал сбросить шаровары, чтобы доказать свою причастность к двору — Ахиллес без малейших колебаний, презрительно скривив губы, продемонстрировал бы гладкий шрам там, где у обычных мужчин находилось то самое достоинство.

Эта страшная, непоправимая увечность и стала причиной того, что более яростного, фанатичного ненавистника турок, чем этот толстый грек, в отряде Чеботаря не было. Для русских солдат и офицеров османы были жестоким неприятелем, исконным врагом. Для кого-то, кто уже потерял в стычках товарищей, эта вражда становилась личной. Но всё же это была

война солдатская, без той откровенной, всепоглощающей, черной ненависти, которая сжигает душу. А вот в Аристобусе эта ненависть клокотала, не давая ему спать по ночам, требуя крови за отнятую жизнь.

— Но, господин, поймите… У меня есть строжайшие предписания сераскира! И не стоит называть меня животным. Нынче прощу, по незнанию меня ты так обошелся. Но только нынче... Мой род славный, древний, со мной так нельзя, — оправдывался растерянный турок, нервно теребя эфес богато украшенной сабл и. — На территорию самой крепости я не смею пускать никого, кроме личного состава. Наш гарнизон призван только охранять переправу. Что начнется, если сюда станут набиваться все проходящие обозы? У нас внутри нет ни пустых казарм, ни лишних складов…

Турок носил чин бёлюк-баши, что примерно соответствовало русскому капитану. Судя по надменному, хотя сейчас и растерянному лицу, тонким чертам и дорогому сукну мундира, парень происходил из весьма влиятельного стамбульского рода. Только высоким покровительством можно было объяснить то, что в столь юные годы он не просто носил офицерский чин, но и исполнял обязанности коменданта.

Так что и ряженный евнух так же не стал излишне дерзить. Мало ли...

Да, крепость Исакча была невелика. По агентурным прикидкам Чеботаря, внутри квартировало от силы два табора пехоты, артиллерийская прислуга, да немногочисленные обозники. Но даже такой захудалой твердыней зеленому юнцу управлять бы не дали, не стой за ним сильная рука визиря или паши. Особенно в военное время, когда многие финансовые и ресурсные потоки идут через такие вот малые, но очень важные твердыни.

— Уважаемый, давайте разойдемся краями, — Ахиллес мгновенно сменил визгливый гнев на вкрадчивый, сладкий тон искусителя. — Вы окажете мне малую услугу и пропустите мои повозки за стены, а я, вернувшись во дворец Топкапы, замолвлю за вас слово там, где нужно. Скажу, что достойный из сынов славно руководит важной крепостью.

Молодой бёлюк-баши неожиданно усмехнулся, вздернув подбородок. Лесть и ему была сладка. Особенно после того, как он растерялся от оскорблений, такое разрешение вероятного конфликта было на руку. Да и усыпляло сильно бдительность молодого капитана, как его чин звучал бы в русской армии. Между тем, и белюк-баши решил немого отыграться и указать...

— Не думаю, ага, что вашего веса хватит, чтобы молвить за меня слово, которое прозвучит достаточно громко для моей семьи, — этот дерзкий ответ подтвердил догадки скрытно наблюдавшего за сценой Чеботаря. Перед ними, действительно, был отпрыск столичной элиты.

— И даже двадцать полновесных золотых цехинов никак не добавят веса моим словам? — Аристобус мягко, словно случайно, звякнул тяжелым кошелем на поясе. Голос грека стал рассудительным, почти отеческим: — Поймите меня правильно, юноша. Мне нужно быть за прочными стенами, ибо бумаги, которые я везу по воле Владыки Правоверных, стоят дороже наших с вами жизней. Нас обоих не погладят по голове, если я лишусь их, ночуя в пыльном полевом лагере среди черни того полка, что сейчас топчет понтоны. И кем бы ни были ваши несомненно достопочтенные покровители, гнев Султана испепелит их быстрее сухой соломы. Ибо выше Султана — только милосердный Аллах.

Внешний вид Ахиллеса — странная, но дорогая смесь традиционного одеяния капыаги и элементов европейского платья, которое новый султан пытался внедрять при дворе — придавала его словам нужный вес.

Молодой аристократ, видимо, не был лишен здравого смысла, да и блеск золота в турецкой армии всегда слепил глаза надежнее солнца. Покровители покровителями, а звонкая монета карман не тянет. Немного помявшись для вида, бёлюк-баши принял кошель.

Тяжелые, окованные железом створы ворот со скрипом распахнулись. Досматривать закрытые фургоны так никто и не удосужился — лезть в телеги, защищенные личной печатью султана, было самоубийством. Гранаты и штуцера были спрятаны так хитро, что найти

их можно было, лишь перевернув повозки вверх дном. А подобной наглости по отношению к высокопоставленному эмиссару Гарема гарнизон допустить не смел.

Русский диверсионный обоз, скрипя осями, медленно вполз в самое сердце каменной ловушки. Исакча оказалась даже не крепостью в полном смысле этого слова, а тесным, хорошо укрепленным фортом. Вокруг лепились какие-то глинобитные пристройки, защищенные лишь хилым палисадом и мелким рвом, но сама центральная цитадель — каменный мешок двести на сто метров — была неприступна.

Именно отсюда, с высоких бастионов, тяжелые крепостные орудия держали под абсолютным контролем всю понтонную переправу и подступы к ней. Обойти эту скалу с флангов не смог бы и сам дьявол: цитадель была окружена смертоносными, непроходимыми топями и старицами. Даже если бы пластуны попытались просочиться сквозь камыши, они неизбежно уперлись бы в голый скалистый холм и слепые крепостные стены.

Телеги тяжело замерли посреди плаца, окруженные суетящимися турецкими солдатами. Воздух звенел от напряжения.

Корней Чеботарь, пряча лицо под низко надвинутым тюрбаном, скользнул взглядом по артиллерийским батареям, по беспечным часовым, по спинам ничего не подозревающих врагов. Рука под полами халата намертво стиснула теплую рукоять пистолета.

— Работаем! — бросил Корней.

Сказано это было тихо, но для тех, кто сидел в душной темноте фургонов, это прозвучало как гром небесный.

Молодой турецкий капитан лишь растерянно хлопал длинными ресницами, его мозг категорически отказывался понимать, что происходит. Реальность треснула по швам. Те, кто еще секунду назад не вызывал никаких подозрений — смиренные возничие в пыльных гражданских платьях и суровые охранники в глухих янычарских кафтанах — вдруг в одно мгновение сбросили маски.

Бойцы Чеботаря, буквально истекающие потом под многослойными жаркими одеждами, резким, синхронным движением выхватили из-под пол свое скрытое оружие. Это были хитроумные реплики китайских многозарядных арбалетов чо-ко-ну — компактные, смертоносные машинки, не требующие пороха.

Воздух наполнился сухим, механическим треском взводимых рычагов и зловещим змеиным шипением. За пятнадцать секунд десяток диверсантов выплеснул во врага свинцовый ливень — восемьдесят тяжелых арбалетных болтов ударили в толпу гарнизонных. И всё это — без единого порохового хлопка. Тишину плаца разорвали лишь истошные вопли боли и захлебывающиеся крики тех, кто пытался поднять тревогу, срывая голосовые связки.

Но их голоса тут же утонули в оглушительном реве.

— Да здравствует Великая Победа! Слава великому визирю! Султан разбил русов! — слаженно, во всю мощь легких заголосили десятки глоток русских диверсантов.

Операция началась. И не было до конца понятно, чем она закончится. Легкой прогулки явно не будет. И численное превосходство было пока неоспоримо за защитниками крепости. Бой разгорался...

Глава 3

Исакчу.

12 июля 1726 года.

Идеального, внезапного убийства не вышло. Чеботарь рассчитывал, что первый залп выкосит всю стражу у ворот подчистую, но кто-то из турок успел отшатнуться, кто-то получил скользящую рану, а кто-то и вовсе прикрылся бьющимся в конвульсиях телом товарища.

Однако главная цель была достигнута — огнестрельное оружие молчало. Кричали люди. Но что они кричали – это важно. Понять радость ли движет крикунами, или горе, тревога, однозначно было и не понять. Когнитивный диссонанс, вызванный тем, что половина площади кричит от ужаса, а другая половина исступленно славит победу Османской империи, парализовал турецкий гарнизон. Солдаты не могли понять, кого атаковать и что вообще происходит.

Но это выигранное время, эти драгоценные секунды растерянности врага стоили больше золота.

Арьергард отряда — сотня отборных головорезов, стрелков, ударников, при десяти тяжелых фургонах — уже разворачивал бой за главные ворота цитадели. Возничие, работая кнутами и кулаками, виртуозно загоняли тяжелые телеги в круг, формируя классический вагенбург — передвижной гуляй-город. Борта смыкались, в пазы мгновенно вставлялись тяжелые дубовые щиты, и за эту импровизированную баррикаду уже падали русские стрелки. Они прижимали приклады к плечам, наводя на цель заранее заряженные, смертоносные нарезные штуцера.

Они были готовы открыть шквальный огонь. Но первого порохового выстрела пока так и не прозвучало — Чеботарь берег тишину до последнего. До первого выстрела.

У самих ворот закипала страшная, безмолвная и вязкая рукопашная. В ход пошло холодное оружие. Диверсанты уже потеряли пятерых братьев: непривычные, короткие и загнутые турецкие ятаганы, которыми им пришлось вооружиться ради маскировки, ломали привычный рисунок боя. Будь в их руках тяжелые кавалерийские палаши или родные сабли, они бы рубили врага куда сноровистее. Но даже так, на одного упавшего русского приходилось двое зарезанных турок. Враг таял, и численный перевес таял вместе с ним.

Нужно было продержаться всего двадцать минут. Двадцать бесконечных минут тишины, пока там, внизу, турецкая пехота беспечно шагает по понтонам, ничего не подозревая о резне в крепости над их головами. Продержаться, пока к распахнутым воротам из укрытия не вылетит тысячный конный отряд русских, несясь на всех парах в распахнутую пасть цитадели. И вот только тогда, пропустив своих, можно будет наглухо захлопнуть кованые створы и ударить из всех стволов.

Бой у ворот превращался в кровавую кашу. Чеботарь, оказавшись рядом с молодым капитаном-аристократом, не стал тратить время на дуэли: короткий, сокрушительный удар рукоятью пистолета в висок отправил бёлюк-баши в глубокий нокаут. Командир нужен был живым. Если он такой знатный отпрыск, то подобными пленными не разбрасываются.

Турецкое командование, остальное, ну не был же исполняющий обязанности коменданта единственным офицером в крепости, то ли спало, то ли окончательно впало в ступор, но рядовые аскеры, очнувшись от первого шока, с яростным воем хлынули к воротам, пытаясь смять дерзкую горстку чужаков.

Мясорубка началась.

У распахнутых ворот стало по-настоящему жарко. Схватка превратилась в кровавую, удушливую толкотню в узком каменном проеме, и эта жуткая теснота сыграла на руку русским. Махать длинными ятаганами стало невозможно, бой перешел на сверхближнюю дистанцию, превратившись в поножовщину.

И здесь в дело вступили тщательно отработанные на тренировках приемы ножевого боя. Точные тычки снизу, подсечки, молниеносные сбросы тел под ноги набегающим — скорость и выучка диверсантов делали свое дело. Теперь русские разменивали одну свою жизнь уже на три, а то и четыре турецких.

Но враг всё прибывал, и численное превосходство гарнизона начинало давить.

— Пли! — гаркнул Чеботарь.

Этот приказ был отдан как раз в тот момент, когда турки, оправившись от первоначальной неразберихи, перестали лезть поодиночке. Сбившись в плотные группы с яростными криками «Аллах Акбар!», они ринулись на еще не до конца сомкнутый вагенбург посреди площади.

Одновременно часть османских стрелков рванула на крепостные стены, резонно полагая, что сверху, с безопасного парапета, они расстреляют скопившихся внизу гяуров как куропаток. Но они жестоко ошиблись. Русские снайперы, заранее получившие приказ контролировать гребень стен, уже ждали их.

Дистанция была пистолетной, а выучка стрелков — исключительной. Как только над зубцами показались первые тюрбаны, штуцера плюнули огнем. Тяжелые пули сносили туркам головы, наглядно доказывая: идея расстрелять диверсантов сверху была действительно убийственной — но только для самих осажденных.

— Ба-бах! Ба-бах!

Две корабельные карронады, скрытые до поры в фургонах, рявкнули дуплетом. Облака сизого дыма заволокли площадь. Заряд свинцовой картечи ударил в набегающую толпу турок с такой сокрушительной силой, словно исполинский дворник одним взмахом жесткой метлы вымел кровавую пыль с каменных плит двора.

— Тра-та-та! Тра-та-та! — тут же, перекрывая стоны, застучала одна картечница Нартова, следом подхватила вторая, буквально разрезая наступающие порядки.

Запас храбрости у турецкой пехоты, пытавшейся с наскока проломить гуляй-город, мгновенно испарился, упав до нуля. Строй брызнул во все стороны: кто-то с воем падал на землю, прячась за грудами тел товарищей, кто-то в панике бросился к немногочисленным внутренним постройкам и складам, ища спасения от свинцового града.

Из-за укрытий уже доносились истошные вопли турецких офицеров, пытающихся собрать рассыпавшийся гарнизон. Но у Чеботаря был готов ответ и на это: отдельный десяток отборных стрелков ориентировался исключительно на эти командирские рыки.

Стоило кому-то открыть рот, чтобы отдать приказ — и конусная пуля с расширяющейся юбкой тут же затыкала его навсегда. Командная цепь турок рвалась, лишая их последней возможности организованно отразить эту дерзкую, безумную, но математически выверенную атаку.

— Ударному плутонгу — приготовиться! — голос Чеботаря звучал спокойно, холодно и рассудительно, прорезаясь сквозь какофонию турецкой боли и русского напора.

Первый ударный плутонг — прообраз будущих штурмовых групп — изготовился к броску. В авангарде встали два плечистых гренадера, сжимающие в руках тяжелые стальные щиты. Их задача — идти тараном, закрывая себя и тех, кто двинется следом, шаг в шаг, чтобы не сбить темп и не запутаться в ногах под огнем.

— Щиты вперед и поверх! — рявкнул Корней, корректируя построение.

Он выждал секунду, пока бойцы во втором ряду не подняли свои щиты под углом, создав над головами штурмовиков покатую стальную крышу («черепаху»), защищающую от случайных выстрелов со стен.

— На первый бастион! — Чеботарь выбросил руку, задавая вектор атаки. — Третий стрелковый плутонг — прикрыть ударников!

Десяток снайперских штуцеров мгновенно развернулся в сторону бастиона, выискивая цели в пороховом дыму.

Корней уже засек главную угрозу: там, на каменном балконе над воротами, артиллерийская прислуга гарнизона, надрываясь от натуги, судорожно пыталась развернуть тяжелые крепостные орудия жерлами внутрь двора. Чеботарь сильно сомневался, что туркам удастся выстрелить — лафеты старого образца просто не позволяли опустить ствол настолько низко. Здесь не было новейших поворотных механизмов, какие русские встречали при штурме Перекопа. Исакча была глубоко тыловой крепостью, и снабжали ее по остаточному принципу. Но рисковать, оставляя пушки, пусть и не современные, прошлого века, у себя над головой, Корней не собирался.

Бастион нужно было брать.

Но если эти чугунные глотки на стене всё-таки рявкнут, русские диверсанты умоются такой кровью, что взятие цитадели потеряет всякий смысл. Отряд просто перестанет существовать, похоронив под своими обломками саму цель этой отчаянной миссии в глубоком османском тылу.

Действуя молниеносно, на мышечной памяти, вбитой на полигонах, первый ударный плутонг рванул к каменной лестнице, ведущей на бастион. Заслон у ступеней оказался хлипким: основные силы турок либо гибли в мясорубке у главных ворот, где всё еще кипела страшная сеча, либо готовились ко второму броску на русский вагенбург, ощетинившийся стволами в центре плаца.

— Бах! Бах! — сквозь сплошной гул боя Чеботарь безошибочно вычленил хлесткие выстрелы штуцеров. Это снайперы прицельно снимали часовых у подножия лестницы.

Тут же командир штурмовиков рявкнул приказ, и две чугунные гранаты с шипящими фитилями полетели в кучку защитников, перекрывающих подъем.

— Ба-бах! — сдвоенный разрыв ударил по ушам.

Рваный металл брызнул во все стороны, со звоном впиваясь в надвинутые стальные щиты русского авангарда. Щиты выдержали, но один случайный, предательский осколок своей же гранаты ударил ниже кромки, впившись в голень передового щитового. Боец охнул, подкосился и рухнул на камни, ломая плотный строй и открывая половину прохода.

Оставшиеся на ногах трое турок на удивление не дрогнули и не побежали. Один из них, выхватив тяжелый пистолет, не раздумывая выстрелил в образовавшуюся брешь. Свинцовая пуля смела еще одного русского штурмовика; тот повалился навзничь, увлекая за собой идущего следом товарища. Атака захлебывалась.

— Бросай щиты! В штыки! — взревел командир плутонга.

Отбросив ненужную теперь сталь, оставшиеся штурмовики рванули вперед. Они смели эту троицу турок в долю секунды, прошив их штыками, словно не заметив. Русские взлетели по крутой лестнице бастиона с нечеловеческой скоростью — сказались месяцы адских тренировок, сотни верст марш-бросков с полной выкладкой, часы, проведенные на канатах и штурмовых полосах.

Увидев вынырнувших из порохового дыма разъяренных гяуров, турецкие пушкари бросили свое дело. Каким-то чудом им уже удалось задрать станины и опустить жерла орудий так низко, чтобы ударить по вагенбургу, но поднести фитили они не успели. С воплями ужаса артиллеристы брызнули в рассыпную вдоль крепостной стены.

— Второй ударный плутонг! Бегом к первому бастиону! Взять пушки, быть готовыми к залпу! — хладнокровно скомандовал Чеботарь. Сам он стоял в самом центре вагенбурга, плотно прикрытый тремя стальными щитами своих телохранителей, и дирижировал боем.

Второй плутонг был отрядом универсалов: эти парни умели не только работать штыком и ножом, но и виртуозно обращаться с любой артиллерией. План Корнея вступал в решающую фазу.

Логика была железной: нужно немедленно захватить батареи. Во-первых, ударить шрапнелью по тем пехотным полкам османов, которые сейчас опомнятся на понтонах и бросятся на выручку гарнизону — орудия доходчиво объяснят им, что цитадель сменила хозяев.

Во-вторых, нужно накрыть огнем турецкий лагерь на противоположном берегу. Сеять панику и смерть, бережно сохраняя при этом саму переправу. Нужно пустить туркам столько крови, чтобы, когда в небо взовьется сигнальная ракета, основная часть русского отряда — тысяча конных сабель, затаившихся в двух верстах отсюда — могла ворваться на мост и хладнокровно добить обескровленного, обезумевшего от ужаса врага.

Шла лишь двенадцатая минута боя, но время спрессовалось, растянувшись в кровавую вечность.

Турки, закрепившиеся на участках стены, не имевших ни зубцов, ни бойниц, оказались как на ладони. Укрыться от снайперского огня им было совершенно негде. Русские пули выбивали их десятками, превращая парапет в бойню, но сопротивление османов, ослепленных отчаянием, оставалось яростным.

— Очнулся? — гаркнул Чеботарь, когда двое диверсантов по его знаку подтащили к нему за шиворот пришедшего в себя турецкого бёлюк-баши, исполнявшего обязанности коменданта.

Пленник обвел командира мутным взглядом, презрительно скривил разбитые губы и смачно сплюнул кровью прямо на пыльный сапог Корнея. Юнец инстинктивно зажмурился, ожидая, что сейчас ему прилетит в челюсть за такую дерзость, но Чеботарь лишь холодно усмехнулся.

— Переведи этому щенку, — невозмутимо бросил Корней толмачу. — Пусть вместо того, чтобы плеваться, отдаст своим людям приказ сложить оружие. Они уйдут из цитадели живыми и со своими знаменами. А скоро и мы отсюда уйдем. Пусть потом возвращается и «героически» берет пустую крепость. Лучшего предложения в его жизни уже не будет. Правда, пороховые склады и часть стены мы на прощание всё же взорвем.

Впрочем, Корней и сам понимал: остановить эту мясорубку приказом уже невозможно. Османы, одуревшие от пороховой гари, крови и бешенства, превратились в неуправляемую толпу. Они бы просто не услышали своего командира за грохотом выстрелов и лязгом стали.

Выслушав перевод, гордый аристократ вновь харкнул русскому на сапог. Что ж, на что напрашивался, то и получил. Корней коротким, но страшно сильным ударом кованого носка сапога снизу-вверх пробил турку в голову. Раздался тошнотворный хруст, и комендант обмяк, рухнув на камни тряпичной куклой. Выжил ли он после этого — Корнея не интересовало.

А тем временем снаружи, за стенами Исакчи, земля уже гудела. Огромное облако пыли стремительно катилось к распахнутым воротам — тысяча русских всадников, переодетых в османские мундиры, летела на штурм.

Хаос, царивший вокруг, достиг своего апогея. Сотня турецких сипахов из передового лагеря, только что сошедшая с понтонов, увидев несущуюся к форту кавалерию, не задумываясь пришпорила коней и устремилась следом. Туркам и в голову не пришло поражать в спины тех, за кем они гнались — они были свято уверены, что это свежий турецкий полк спешит на помощь гарнизону, внутри которого творится непонятно что.

Русские командиры, скачущие в арьергарде, видели этот «хвост». По цепочке вперед передали, что на плечах висит турецкая конница. Но останавливаться, дробить силы или принимать бой в поле никто не собирался. Главной и единственной целью было ворваться в цитадель. А если следом влетят еще сто сипахов… пусть лезут в пасть.

К тому моменту диверсанты уже подали сигнал: надвратная часть и артиллерия под их полным контролем.

С высоты бастиона картина была видна как на ладони. Бойцы второго ударного плутонга, захватившие орудия, уже споро развернули тяжелые стволы в сторону дороги. Они четко

видели цель — отряд сипахов отставал от лавины русской конницы всего на сотню шагов. Расстояние мизерное, но для опытных пушкарей этого было вполне достаточно. Оставалось лишь взять ювелирное упреждение, чтобы пропустить в ворота своих и снести свинцовым шквалом тех, кто дышал им в затылок.

— Ложись! — истошный крик разорвал грохот боя.

— Ба-бах!

Чугунная граната с шипением ударилась о камни и разорвалась в нескольких шагах от Чеботаря. Стальные щиты телохранителей глухо звякнули, приняв на себя сноп мелких осколков. Двое русских бойцов, стоявших чуть сбоку, сдавленно охнули: одному посекло ногу, другой выронил штуцер, схватившись за окровавленную руку. Раны были не смертельными, но раненый боец в такой мясорубке — это уже пробитая брешь в обороне.

Чеботарь нутром, кожей почувствовал, как меняется рисунок боя. Да, диверсанты уже покрошили врага изрядно. Да, вторая волна османской атаки захлебнулась в собственной крови, напоровшись на шквальный огонь картечниц. Но турки начали приходить в себя. Они больше не лезли напролом тупой, ослепленной яростью толпой — за исключением тех, кто насмерть рубился в узком створе ворот, где в жуткой давке уже невозможно было даже поднять руку для замаха.

На остальных участках двора защитники начали концентрироваться, искать укрытия, использовать гранаты. Эта разорвавшаяся бомба была первым звоночком: турки начали методично искать способ выжечь диверсантов из центра цитадели.

Крепость всё еще не была взята. Русские завязли. Если помощь не придет в ближайшие минуты — или даже секунды — турки найдут слабое место, и потери отряда начнут расти в геометрической прогрессии.

Время стремительно утекало сквозь пальцы, отмеряя удары сердца.

***

Кавалерийскую лавину вел Игнат. Он, как никто другой, понимал, насколько важно было ворваться в цитадель именно сейчас, пока всё висит на волоске. Но еще лучше он понимал, что нельзя привести на своих плечах весь османский лагерь.

Если поддаться эмоциям, если преждевременно пустить лошадей в галоп, турецкий лагерь у переправы мгновенно всполошится. Поэтому сначала тысячный отряд русских всадников, облаченных в османскую форму, шел мерным, невозмутимым шагом.

Игнат, ехавший в авангарде, даже степенно кивнул какому-то встречному турецкому офицеру, привычным жестом провел ладонями по лицу и воздел руки к небу, беззвучно славя Аллаха. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Кураж...

И только тогда, когда хвост их огромной колонны миновал последние шатры турецкого лагеря, оторвавшись от них шагов на сто, Игнат выхватил клинок.

— В галоп! Марш!

Маскировка была сброшена. Тысячный отряд, словно единый стальной организм, резко свернул с Аккерманского тракта и, набирая скорость, устремился прямо к центральным воротам Исакчи.

Издали зрелище у ворот вызывало оторопь — почему в проеме копошится такая плотная, неподвижная масса людей? Но по мере приближения становилось ясно: там, в каменном мешке, кипела такая неистовая, первобытная резня, какой эта война, пожалуй, еще не знала.

Игнат вскинул голову. На надвратной башне трепетал флаг. Красный. Сердце екнуло. Если бы там реял русский триколор, это означало бы, что крепость полностью пала. Красный стяг был условным сигналом Чеботаря: «Мы внутри, но держимся из последних сил. Бой продолжается».

А бились они не просто за старые стены. Они бились за стратегический нерв османской армии — единственную на пятьсот верст вокруг переправу. За новейший понтонный мост,

возведенный по чертежам французских инженеров, способный выдержать вес тяжелой осадной артиллерии, которая как раз готовилась форсировать Дунай.

До ворот оставалось двести метров. Дробь копыт слилась в сплошной, оглушительный гул надвигающегося землетрясения.

Русские диверсанты, насмерть стоявшие в проеме ворот, услышали этот гул. По рядам пронесся условный крик. И вдруг, словно по волшебству, русские бойцы мгновенно разорвали дистанцию и брызнули в разные стороны, вжимаясь в стены и открывая широкий проход.

Окровавленные, тяжело дышащие османы у ворот на секунду замерли в недоумении, лишившись противника. А в следующую секунду они подняли глаза и увидели, как прямо на них, в распахнутую пасть ворот, на полном скаку влетает стальная конная лавина.

Русские диверсанты хлынули из ворот, по команде расступаясь в стороны. За ними, словно выдавливаемая из узкого горнила масса, вывалились турки — обессиленные, израненные, залитые чужой и своей кровью. В той жуткой толчее многие получали смертельные ножевые ранения, но даже не падали на землю — давка была такой, что мертвецы стояли в строю вместе с живыми. Некоторые задыхались в тесноте, так и не успев поднять оружие.

Вырвавшись на простор, османы поначалу даже не поняли, какая угроза нависла над ними. Выстраивающаяся в боевые порядки русская конница казалась им миражом. Турки просто закрывали глаза и жадно дышали. Кашляли, глотали воздух, пропитанный пороховой гарью и тошнотворным запахом свежей крови, но дышали.

То же самое делали и русские бойцы, но они успели отскочить с линии атаки. Многие в изнеможении падали на пожухлую траву давно пересохшего рва, тяжело переводя дух.

А в следующую секунду передовой клин кавалерии врезался в толпу. Игнат, выставив вперед копье, с ходу насадил на него первого турка, оставляя древко в теле опешившего врага, во взгляде которого промелькнуло чуть ли не облегчение от скорого избавления.

Сейчас даже не люди прорубали дорогу в цитадель — тяжелые кавалерийские кони своим живым тараном сшибали, втаптывали в каменные плиты тех защитников, что еще оставались в проеме ворот.

Внутри крепости выстрелы слились в сплошной треск. Чеботарь отдал жесткий приказ: отсекать свинцом любого, кто попытается приблизиться к вратам, даже несмотря на то, что внутри цитадели его бойцы всё еще отбивались от несломленных турок.

— Ба-бах! — две пушки на стене, захваченные ударным плутонгом, изрыгнули снопы пламени.

Турецкие сипахи, скакавшие следом за конницей Игната, наконец осознали, что угодили в смертельную ловушку. Они попытались развернуть коней, но сделать это на полном скаку было почти невозможно. Свинцовый град шрапнели ударил им в спины и бока, безжалостно выкашивая ряды.

Будь у Игната возможность свободно маневрировать, он бы развернул пару сотен сабель и ударил по растерявшимся, понесшим потери сипахам. Но у ворот уже образовалась чудовищная пробка. Протиснуться внутрь всем скопом, всеми девятьюстами двадцатью пятью всадниками, было физически невозможно.

Тем временем крепость начала сдаваться. Как только первые две сотни русских кавалеристов лавиной растеклись по внутреннему двору, остатки гарнизона поняли: это не подкрепление. Это конец.

Самые отчаянные турки, готовые бросаться на пули с голыми руками, уже лежали мертвыми у ворот или были точечно выбиты снайперами. Оставшиеся в живых — в основном необстрелянный молодняк и те, чей дух был окончательно сломлен бойней — тряслись от страха, бросая оружие к ногам победителей. Они были не чета своим павшим товарищам.

Но командиры понимали: это лишь начало сражения. Да, самая кровавая часть штурма позади. Теперь оставалось огнем и сталью отогнать турок от переправы. А затем — беспре-

пятственно пройти на тот берег, разрушая всё за собой, обрубая мосты и уходя в глубокий османский тыл.

Они уже изрядно наследили, и на том берегу их наверняка будут ждать. Но собрать с ходу пятитысячный корпус, способный уничтожить мобильный русский отряд — насчитывающий теперь, пусть и за вычетом тридцати шести погибших, более двух с половиной тысяч бойцов с инновационным вооружением — туркам вряд ли удастся.

Правда, для этого требовалось одно — действовать стремительно. Нужно было уходить как можно дальше от захваченной переправы и растворяться на вражеской территории. Оставаться здесь, на этом стратегическом бутылочном горлышке, было равносильно самоубийству: к понтонам, пусть разрозненно, но непрерывным потоком неизбежно будут стягиваться всё новые и новые османские полки, идущие маршем на подмогу Великому визирю под Перекоп.

Каждая минута промедления у Дуная грозила тем, что диверсионный отряд просто захлебнется в этой бесконечной волне вражеских подкреплений. Медлить было нельзя ни секунды.

Глава 4

Исакчи.
12 июля 1726 года.

— Подпускай их ближе… Не торопись. Пусть втянутся в горловину, — негромко, сквозь стиснутые зубы процедил Корней Чеботарь, не отрывая тяжелого взгляда от раскинувшейся внизу долины.

У подножия высоты, ощетинившись тусклым железом штыков и ятаганов, неотвратимо накатывала турецкая пехота. Часть аскеров двигалась в правильном линейном строю, безжалостно чеканя шаг под глухой, ритмичный бой барабанов, а другие валили густой, темной, фанатичной толпой.

Корней, как и замершие у каменного парапета измученные ночным боем побратимы, решительно не мог взять в толк: на что вообще надеется враг? Турецкие полковники чурбаджи уже не могли не знать, что за высокими стенами Исакчи сейчас засело около тысячи русских. Отчаянных рубак, которые только что вырезали гарнизон, захватили эту твердыню и теперь готовы были лечь костьми, но не отдать отвоеванный камень.

Да, на данный момент у османов имелось численное превосходство, но в этих природных тисках оно было ничтожным, отнюдь не критическим. Две тысячи пехотинцев против тысячи обозленных защитников стен — это верная смерть для атакующих, если у них нет тяжелой осадной артиллерии. А ее у турок не было.

Те хлипкие полевые пушки, что они сейчас волокли на себе по грязи, казались злой насмешкой: их калибр не позволил бы даже добросить чугунные ядра до верхних ярусов крепости, не то что пробить брешь в вековой кладке.

Зачем вообще тянут? Только что если решили подвести артиллерию прямо к воротам и беспрепятственно именно по воротам. Наивно. Но, с другой стороны, мало ли какие именно сведения удалось раздобыть туркам о том, какие силы сейчас засели в крепости.

И никто не отменял беспощадных законов рельефа. Крепость хищно господствовала над переправой, нависая над узким, зажатым участком суши — единственным местом, где можно было хоть как-то развернуть боевые порядки. Верста вправо, верста влево — и начинались гибельные, непролазные прибрежные болота. Смердящие гнилостными испарениями камышовые крепи, готовые мгновенно поглотить любого, кто оступится. Соваться туда было безумием, а пытаться воевать в той топи — изощренным самоубийством.

Потому османам, загнанным в эту природную кишку, не оставалось ничего иного, кроме вязкой, самоубийственной лобовой атаки.

Корней хмурился, вдыхая пороховую гарь, пропитавшую мундиры. Он нарочито переоделся в мундир полковника Полка Почетного караула. Пусть враг узреет! Пусть трепетать со временем станут все недруги России при виде таких мундиров.

Наверняка вражеские командиры тешили себя иллюзиями, что внутри цитадели всё еще идет сопротивление, что в казармах забаррикадировались отважные турецкие воины, сковывая русских боем. Или расчет строился на том, что захватчики просто не успеют освоить трофейные арсеналы. Пока новые защитники будут в растерянности от полученных трофеев, можно ворваться в Исакчи.

Чеботарь пристально наблюдал, как людская масса втягивается в зону верного поражения. Над лесом фесок мерно покачивались десятки тяжелых деревянных лестниц. Значит, идут не вслепую, готовятся к жестокой резне на зубцах.

— Командир… — стоящий рядом Игнат нервно погладил замок своего ружья, не отрывая взгляда от надвигающейся волны. — А ведь я, окажись на их месте, тоже погнал бы людей на

приступ с ходу, даже не считаясь с потерями. Ты на турок как на глупцов-то не смотри. У них обстоятельства такие, что иначе нельзя: либо сейчас выбивать нас отсюда большой кровью, либо намертво терять переправу. Ты заметь: войска-то они переправили, а вот главные обозы остались на том берегу! И если мы удержимся, вся эта орда, что на нас сейчас прет, останется без провианта и пороха. Им деваться некуда... — размышлял вслух Игнат.

— Всё, давай, ступай уже на свой участок. И не подведи меня, — холодно отрезал Корней, прерывая рассуждения. — С трофейными пушками смотрите в оба! Их, конечно, проверили, но литье дрянное, возможны скрытые глазу трещины. Металл хлипкий — полуторный заряд забивать строжайше запрещаю! Порвет стволы к чертям, своих же покалечим. Потому и подпускаем вплотную супостата. Всё, Игнат, иди действуй!

Чеботарь отмахнулся и, разложив биноклю, продолжил хладнокровно, словно хищник перед броском, изучать медленное, будто нерешительное наступление османских таборов.

Шестьсот шагов. Пятьсот... Напряжение на бастионах сгустилось до такой степени, что, казалось, звенел сам воздух. У Корнея дрогнули пальцы — он едва не сорвался, чтобы дать приказ затаившимся стрелкам-штуцерникам начать методично выбивать турецких офицеров. Но усилием воли заставил себя ждать. Нужно подпустить еще ближе. На верный пушечный выстрел.

План Чеботаря был жесток в своей простоте: сначала угостить плотные ряды убийственным ливнем картечи, собрать кровавую жатву. И только потом, когда в возникшей сумятице уцелевшие турецкие офицеры начнут кричать, метаться, всячески себя обнаруживая и пытаясь собрать ошалевшие солдатские группы — вот тогда ударить по командирам из нарезных стволов, обезглавливая врага и сея абсолютную, животную панику.

Нужно было сокрушить, обескровить и растоптать как можно больше турок прямо здесь, у самого подножия древних стен. Весь этот кровавый спектакль разыгрывался ради одной цели: чтобы второй русский отряд, который, на удивление, так и не был обнаружен османами и таился сейчас в непролазных топях в трех-четырех верстах севернее, имел все возможности ударить в спину врагу. Ударить не для того, чтобы вести изнурительный равный бой, а чтобы просто и безжалостно громить охваченную паникой, бегущую массу.

То, что больше половины огромного отряда Корнея Чеботаря осталась невидимой для вражеских глаз, было не просто слепой солдатской удачей. Это был холодный, математически выверенный расчет на психологию противника. Никому из надменных турецких пашей и в страшном сне не могло привидеться, что колоссальный русский отряд — по своей огневой мощи практически равный полноценной дивизии — способен словно призрачная армия возникнуть в их глубоком тылу.

Для османов это было столь же немыслимо, как проснуться поутру и обнаружить русскую императорскую гвардию, разбивающую бивуаки прямо под стенами Константинополя. А раз в голове такое не укладывается, то ни к чему и вести дальнюю разведку, ни к чему утруждать себя изнурительной караульной службой. Можно расслабиться и пить кофе, свято веря, что настоящий театр боевых действий находится как минимум в трех неделях тяжелого пути.

Смертельная иллюзия, за которую им предстояло заплатить сполна.

— Огонь! — резко, словно ударив хлыстом, дал отмашку Чеботарь.

Бастионы Исакчи содрогнулись. Первые трофейные орудия, теперь развернутые жерлами на своих бывших хозяев, рыкнули густым пламенем и отправили в короткий, смертоносный полет отборную французскую картечь.

Корней прекрасно знал, как сурово темнеет лицом государь император при одном лишь упоминании Франции. Париж вел против России свою подлую, изощренную, двуличную игру. В глаза дипломаты источали елейные речи, заверяя Петербург чуть ли не в вечной дружбе, а на залитых кровью полях сражений именно французские нарезные карабины пробивали груди русских солдат.

Именно качественная, отлитая на французских мануфактурах картечь рвала в клочья животы кавалерийским коням и калечила их всадников.

Потому-то в отряде Чеботаря к туркам относились без какой-то испепеляющей личной злобы. Османы были просто естественным врагом, а их уничтожение — тяжелой, грязной солдатской работой, которую нужно было выполнить на совесть. А вот французы — дело иное. Их ненавидели люто, и многие бойцы в отряде жаждали заполучить в плен хотя бы одного заморского военного «советника», чтобы заглянуть ему в глаза перед расплатой.

Свинцовый смерч с чудовищным, влажным хрустом врезался в наступающие порядки. Расстояние было настолько малым, а скученность турецкой пехоты столь убийственно плотной, что тяжелые свинцовые шарики картечи насквозь прошивали по два человеческих тела, застревая лишь в третьем.

Если бы в ту суровую эпоху уже существовало такое понятие как «мясорубка», оно бы идеально и без прикрас описало то, что творилось под стенами. Густые, почти черные брызги крови веером разлетались над истоптанной землей, оседая на серых камнях. Люди падали сотнями, сбиваясь в жуткие, стонущие кучи, словно невидимая исполинская коса в одно мгновение лишила их опоры под ногами.

— Огонь! — еще две пушки выплюнули клубы сизого дыма, отправляя в толпу новую порцию картечи.

— Стрелкам — вольная охота! — скомандовал Корней Чеботарь. В его голосе, сквозь грохот боя, проскользнула даже некоторая ленца — спокойствие бывалого командира, с холодным удовлетворением осознающего, что нити победы уже намертво зажаты в его кулаке.

Конечно, османы совершили грандиозную, непростительную ошибку. Ослепленные яростью и гордыней, они не взяли крепость в правильную осаду, побоялись сразу доложить своему высокому командованию о потере переправы и, самое главное, при штурме русских позиций не стали дожидаться подхода тяжелой осадной артиллерии.

Понадеявшись нахрапом, словно заразившись пресловутым «русским авось», взять каменную твердыню было невозможно, особенно когда ожесточенные защитники заранее изготовились к бою, а все тяжелые врата были наглухо заперты.

Но турки упрямо шли. Переступая через бьющихся в агонии товарищей, скользя по залитой кровью траве, они не считались с катастрофическими потерями. Передовые шеренги уже прорвались вплотную к крепостным стенам и начали с остервенением приставлять к ним тяжелые деревянные лестницы. Уцелевшие турецкие офицеры, обезумев от отчаяния, обнажив сабли, гнали солдат прямо на убой.

Такую унизительную пощечину — позволить дерзко, прямо из-под носа увести стратегически важную крепость, контролирующую переправу через Дунай — можно было смыть либо большой кровью, либо остаться с позором на всю оставшуюся жизнь.

Что скажет великий визирь или сам владыка Блистательной Порты, когда узнает страшную правду? Что рядом с крепостью спокойно стояли два турецких полка, пускай и не полностью переправившиеся, но в большей своей массе боеспособные, и при этом они просто проводили растерянным взглядом идущих на прорыв русских кавалеристов! Они ничего не сделали. Они даже приветственно раскланивались с переодетым врагом! И то, что турецкие офицеры в тот момент даже представить себе не могли, что мимо них марширует неприятель, было теперь крайне слабым, жалким оправданием, не спасающим от шелкового шнурка.

Под стенами творилось форменное избиение. Пока что — избиение в одни ворота. Штуцерники демонстрировали запредельную, немыслимую скорость перезарядки своего нарезного оружия, сливаясь с винтовками в единый смертоносный механизм. А почерневшие от пороховой копоти артиллеристы, не жалея ни себя, ни раскаленных стволов, без сомнения, взяли бы золото на любом чемпионате по скорости заряжания орудий, если бы кому-то пришло в голову устроить подобные соревнования посреди жестокой войны.

Но слепой фанатизм турок делал свое дело. Вот уже первый турецкий пехотинец, перекошенный яростью, взобрался на каменный парапет. Один из русских бойцов, не дрогнув, хладнокровно разрядил в грудь этого отчаянного смельчака тяжелый пистолет. Турок рухнул вниз, с истошным воплем увлекая за собой еще двоих сотоварищей, карабкавшихся по скользким перекладинам. Но следом, словно обезумевшие муравьи, лезли уже другие.

— Гранаты в дело! — сорванным голосом закричал Чеботарь, с холодком осознавая, что его приказ несколько запоздал.

На двух участках крепостной стены уже вовсю кипела лютая, беспощадная рукопашная схватка. Звенела сталь, хрустели кости, лилась кровь. Русские бойцы были к этому готовы, хотя сам Корней до последнего считал маловероятным, что туркам под таким плотным огнем всё же удастся залезть наверх. Он отмахивался от этих мыслей: мол, исключительно для проформы пускай готовят тесаки и штыки к такому сценарию. Ошибся.

Уже не менее сотни янычар с воем врубились в ряды защитников на узком карнизе крепости, когда турецкий арьергард далеко внизу наконец-то заметил надвигающуюся прямо на них гибель. С севера из топей вынырнул скрытый резерв русских. Боевые фургоны с установленными на них картечницами шли впереди, хищно ощетинившись стволами. Сразу за ними, быстро и слаженно выстраиваясь в боевые порядки по мере того, как находилось твердое, свободное от грязи, кустов и камышей пространство, монолитным шагом шла пехота.

Это была классическая, безжалостная пехотная линия. Чего бойцы отряда Чеботаря действительно не умели делать — так это сложно маневрировать прямо во время сражения, перестраиваясь в косые линии на прусский манер. Но в этом узком горле подобная филигранность и не требовалась. От этой лобовой, прущей напролом мощи веяло такой неотвратимостью, что у турок практически не оставалось времени хоть что-либо ей противопоставить. Тем более что и без того немногочисленная османская артиллерия была развернута стволами к крепости, а самые боеспособные солдаты и офицеры сейчас либо гибли под стенами, либо лезли на них, либо уже насмерть рубились наверху.

И вот сухо захлопали выстрелы стрелков ударившего в тыл отряда. Штуцерники начали методично, как в тире, бить по густым скоплениям турок с дистанции в триста шагов. Турецкие командиры в панике попытались было выстроить ответную линию хотя бы по несколько десятков человек, чтобы иметь хоть какую-то возможность дать организованный залп. Но в царящем хаосе это получалось откровенно плохо. Строй рассыпался, не успев сформироваться.

— Поднажмите, братья! Сбросим их! — раздался над стеной надрывный крик Чеботаря, несвойственный его натуре, но определенно уместный эмоциональной манере русского солдата в горячке боя.

Этот душевный порыв был воспринят бойцами как сигнал собрать все свои оставшиеся силы, всю накопившуюся злость, упрямство и навыки. Началось безжалостное контрнаступление на бастионах.

Слаженно, работая группами по десять человек, используя прежде всего две ударные штурмовые группы, наглухо прикрывавшиеся тяжелыми стальными щитами, русские начали непреодолимым тараном оттеснять турок.

Они прижимали их друг к другу на узком, залитом кровью участке стены, лишая пространства для замаха саблей. В спрессованную толпу врага полетели чугунные гранаты. Они летели с шипением фитилей даже туда, где не было особо плотного скопления турецких солдат — бросали так, чтобы добиться максимального парализующего эффекта, утвердить безоговорочное, раздавливающее доминирование русских бойцов. Рвалось так, что закладывало уши.

Скоро весть о том, что арьергард и турецкий лагерь подверглись сокрушительному нападению с тыла, словно лесной пожар перекинулась к передовым отрядам. Из турецких солдат словно бы разом вытянули стальной стержень. Они еще продолжали по инерции биться, но

казалось, будто им вмиг перестало хватать и боевых навыков, и самого желания жить и побеждать.

А вскоре началось и вовсе немыслимое: те османские бойцы, которые всё еще оставались на стене, охваченные животным ужасом, стали пытаться прикрыться своими же сотоварищами. Они подло подставляли побратимов вперед себя, лишь бы именно те получили безжалостный удар штыком в живот или горячую пулю в грудь. Выигрывали время, свои жизни, поглащенные инстинктами самосохранения.

— Сдавайтесь! На колени! — яростно кричали те русские солдаты, которые знали хотя бы эту фразу на ломаном турецком языке.

И сломленные турки, роняя окровавленные сабли из дрожащих рук, начали бросать оружие...

В это же время внизу разверзся ад. — Тра-та-та-та-та! — оглушительно, сливаясь в единый рев, ударили с тыла многоствольные установки. Лихо развернутые фургоны отстрелялись всеми своими зарядами, выкашивая остатки сопротивления, и тут же откатились назад, выполняя сотни раз отработанный на плацу маневр. Русская пехотная линия плавно расступилась перед дымящимися фургонами, пропуская их за свои спины для перезарядки, и мгновенно сомкнулась вновь, щетинясь штыками для финального броска.

— Пли!

Громыхнул слитный, оглушающий залп — это первая шеренга русской пехоты вскинула тяжелые фузеи, выплеснув в ошарашенного врага сплошную стену свинца. Не успел рассеяться густой сизый дым, как сквозь него бесстрастно шагнула вторая шеренга. Короткая команда, сухой лязг курков — и прогремел второй, добивающий залп, окончательно сметая ошметки турецкого строя.

Непрерывно, с убийственной точностью продолжали работать меткие стрелки со штуцерами. Некоторые из них, в горячке боя, проявив чудеса ловкости, умудрились вскарабкаться прямо на крыши дымящихся боевых фургонов, чтобы иметь отличный обзор и без помех бить поверх голов своих товарищей, стоявших в жесткой пехотной линии.

— Бросай оружие! На колени! — грозно и многоголосо неслось теперь уже и с глубокого тыла турецких порядков. Эти крики раздавались прямо из самого центра огромного палаточного лагеря, который ударивший в спину русский отряд захватил с ходу, яростным штыковым ударом, не оставив врагу ни единого шанса на организацию обороны.

Окруженные, истекающие кровью, деморализованные османы ломались. Звон падающих на камни ятаганов и ружей сливался со стонами раненых.

А в это самое время за Дунаем, на противоположном берегу, за этой апокалиптической картиной наблюдала буквально горстка турецких солдат — лишь малочисленная рота охранения да сами обозники. И пусть здесь, в устье возле Исакчи, могучий Дунай имел чуть менее стремительное течение, а расстояние от берега до берега на этом самом узком участке составляло менее версты, разглядеть детали бойни было решительно невозможно.

Густая, удушливая пелена порохового дыма намертво скрыла подножие крепости. С того берега доносился лишь глухой, непрерывный грохот канонады, сквозь серую мглу вспыхивали багровые всполохи разрывов, но что именно там происходит, турки, оставленные при обозе, понять не могли. И вряд ли могли вообразить масштаб случившейся катастрофы. Приказ у них был один: стоять намертво и ждать отмашки на дальнейшее продвижение. Огромный обоз должен был пойти следом за ударными полками только на следующий день.

Бой стих. Густое эхо последних выстрелов растворилось над свинцовой водой реки.

— Поздравляю вас с победой, братья... — глухо, сорванным, невыносимо усталым голосом произнес Корней Чеботарь, опираясь на ствол дымящегося ружья.

Но никто на залитых кровью бастионах не кричал «ура», не кидал в воздух фуражки. Радости не было. Страшная цена была уплачена за этот триумф. Потери убитыми и тяжелора-

неными перевалили за полторы сотни человек. Это были самые чудовищные, единовременные потери и для этого отряда, привыкшего бить врага малой кровью, и для самих командиров. Лица солдат, покрытые пороховой копотью и чужой кровью, были суровы и скорбны. Но это всё равно была Победа. Блестящая, немыслимая, сокрушительная.

— Понимаю, други мои, — Чеботарь обвел потяжелевшим взглядом выживших, — что мы все глубоко скорбим по павшим. Что молим Господа нашего о скорейшем выздоровлении искалеченных. Но нам должно не только жить дальше с этой болью. Нам нужно действовать.

Корней выдержал паузу, вытер тыльной стороной ладони закопченный лоб и, превозмогая смертельную усталость, вымученно, но твердо улыбнулся:

— Думать надо вот о чем: как мы теперь будем переправляться на тот берег и как сподручнее захватить этот колоссальный обоз двух уничтоженных полков? Вы только представьте, други мои, сколько отменного добра, оружия и пороха там скопилось! Сколько всего мы сможем разом передать повстанцам, что проливают кровь против турецкого ига на Балканах!

— Найти бы еще их, повстанцев этих... В горах ищи-свищи, — хмуро проворчал Игнат, проявив свой извечный солдатский скептицизм. Он сидел на перевернутом ящике, перевязывая пробитую по касательной руку.

— А на этот счет, Игнат, государь император дал совершенно отдельные, четкие указания, — глаза Чеботаря блеснули холодным, цепким умом разведчика. — Есть уже на местах нужные люди. Эмиссар Стрельцов нынче при сербах тайно находится, и другие доверенные лица там же работают. Найдем. Связные надежные у нас имеются. Так что ты не тушуйся. Задача-то у нас сейчас предельно ясная: переправиться и взять свое. Оружие и припасы передать — это да, это святое. Но главное — наше воинское дело до конца сделать.

Чеботарь обернулся к реке, за которой беспечно стояли турецкие обозы, и на этот раз на его иссеченном лице появилась уже не мучительная, а по-настоящему хищная, предвкушающая улыбка.

Глава 5

Петербург.

14 июля 1726 год.

Лето 1726 года выдалось в Петербурге сырое, ветряное, даже для столицы России оно было непредсказуемым. Днем чуть ли не снег, вечером духота, дождь... дождь... туман... Природа явно чудила.

Может на радость профессору, академику Георгу Бернарду Бильфингеру, первому профессиональному метеорологу в России. Он, как приехал, так тут же, особенно после разговора с государем, развил бурную деятельность.

Теперь каждый день, каждый час, фиксируется погода, как и прямо сейчас, когда в узкое слюдяное окно верхнего этажа академического дома на Васильевском острове билась косая балтийская морось.

Здесь, в полумраке комнаты, пахнущей сургучом, полированной латунью и спиртом, царил абсолютный, математический порядок. Как и должно быть у педантичного человека. А еще и русский царь навязывает прям порядок в бумагах, его люди настаивают на том, как нужно вести документооборот, как отчитываться о проделанной работе.

— Даже потрудились издать трактаты и уставы ведения бумаг, – не прекращая фиксироваться изменения погоды в свой кросбух, бормотал академик.

Он посмотрел на своего сегодняшнего помощника и скривился.

— Ефим, нога твоя через камысло, – выругался профессор.

— Правильно говорить коромысло, господин академик, – поправил наставника Ефим Никонов.

— Боже, – профессор Бильфингер картинно вскинул руки к верху, словно бы действительно обращался к Богу. – Ну почему тут ты, а не Михаэль?

— Потому что, господин академик, Михайло Ломоносов, прямо сейчас занят важными делами, – нагло сказал Никонов.

— Наглец! А у меня не важные дела? Еще слово против и ставлю тебе “двойку”, – напугал профессор своего сегодняшнего адъюнкта.

Система оценивания учебы в Академии Наук была введена государем. Сперва, как и многие новшества, конечно, было непривычно, непонятно. Но теперь уже иные профессоры не могли и подумать, как это без оценок.

А двойка – это первый шаг к тому, чтобы быть отчисленным за неуспеваемость. Отчисление резко понижает статус самого обучающегося. Не быть ему уже царевым инженером. Слесарем, работником на верфях – пожалуйста и недоучку никто не оставит в покое, так как кое что в него все же вложено.

Ну а что касается Никонова, то он был человек очень способный, может где-то и уникальный, хотя есть и другие, тот же Ломоносов. Ефим Никонов даже за полтора года выучил немецкий язык и уже почти что голландский. Так что проблем с общением с немцем-профессором не было.

Проблема крылась в другом. Никонов был уже, если можно так выразиться, “на коне”, осваивал финансирование на свои изобретения. Это же он изобрел подводную лодку, которая при демонстрации царю утонула. Потом работал простым работником на верфи, где его скорее подначивали, а порой так и откровенно били. Характер у Ефима был таков, что не мог он что-то оно и тоже делать постоянно. Все стремился к лучшему.

Шанс Никонов получил чуть больше года назад. Но тут уже не создавать, изобретать приходилось, а учиться. Академическое образование стало условием для того, чтобы хоть какие

проекты Никонова рассматривались Производственной Комиссией во главе с Авраамом Петровичем Ганнибалом.

Адъюнкты обучались понедельно у всех академиков. Пока так, до выбора специализации. Академики же должны за это время передать свой практический опыт русским ученикам.

— Вот так, и пиши, Ефим, чтобы больше я тебя не ругал, – когда, подумав, Никонов принялся быстро писать карандашом в своем кросбухе, сказал академик.

Профессор Георг Бернгард Бильфингер, кутаясь в тяжелый шерстяной плащ поверх домашнего камзола, поправил на переносице очки, заглянул, что там пишет Никонов, и склонился над своим главным сокровищем.

Перед ним, закрепленная на массивной дубовой доске, возвышалась «погодная машина» — сложнейшая для своего времени система приборов, делавшая петербургскую обсерваторию лучшей и самой передовой в мире. Ни в Париже, ни в Лондоне еще не пытались свести хаос стихии в столь стройную систему уравнений.

— Его величество великий человек! – пробормотал профессор.

Многие идеи, которые считались другими блажью, слишком новаторскими, в России воплощали в жизнь. Да, тут очень слабо развита стекольная промышленность, хотя под Москвой и заработала мануфактура, но пока она скорее специализируется на производстве оптики. А вот термометры взять можно было только с заказов шведам, которые только что стали возможны, либо в германских землях.

Но Бильфингер справился. Он сразу ехал в Россию со своими наработками. Академик Вольф еще помог, учитель нынешнего академика, но уже Российской Академии Наук.

В центре композиции тускло поблескивала метровая стеклянная трубка Торричелли. Бильфингер затаил дыхание, всматриваясь в серебристый столбик тяжелой ртути. Ходили слухи, что ртутные термометры начнут в России производить. На докладе в Академии об этом сказал генерал Ганнибал, обращаясь к ученым, составляя заявку, кому и сколько. Бильфингер заказа сразу тридцать. Ждет...

— Падает, — прошептал немец, делая пометку гусиным пером в толстом пухлом журнале. — Двадцать восемь дюймов и три линии... Резкое падение за последние два часа.

Потом он посметрел на своего ученика.

— Ефим, ты записал?

— Как есть, господин наставник, – отвечал тот.

Академик проверил. Этому ученику он не доверял. Хотел даже просить, чтобы Ломоносову позволили уже выбрать специализацию и чтобы он вел этого русского гения, который, как оказалось, разделяет в целом подход к химии и физики профессора Вольфа. Но, похоже, что Михаила Васильевича Ломоносова словно бы готовят специально для чего-то.

Так что отринув мысли, академик вновь занялся работой, ну и наставничеством. Новаторство Бильфингера заключалось не просто в фиксации температуры или давления. Ученый муж Академии наук впервые в истории попытался заглянуть в будущее, связав воедино невидимые нити атмосферы.

Справа от барометра висел флорентийский термометр, заполненный подкрашенным красным винным спиртом, а слева покачивалась удивительная конструкция — гигрометр, в котором натянутая струна из овечьей жилы чутко реагировала на малейшее изменение влажности, приводя в движение тонкую медную стрелку.

В дверь постучали.

— Наконец-то! – закатив глаза, вновь театрально проявляя свое недовольство, а на самом деле, подражая манере общения своего наставника академика Вольфа, сказал Бильфингера. – Ну чего, Ефим застыл? Иди и принимай данные. Сегодня опоздали на полчаса. Безобразие.

Бильфингер, не без помощи Президента Академии Наук, наладил беспрецедентную сеть наблюдений: каждое утро курьеры с Кронштадта и из устья Невы доставляли ему записки с точным направлением и силой ветра на побережье.

Ученый подошел к огромной карте Ингерманландии, расстеленной на столе. Он педантично воткнул булавку с красной головкой в район Финского залива.

— Ртуть падает. Влажность, согласно дрожащей стрелке гигрометра, стремительно растет, а в комнате сухо. Твои выводы, Ефим, – сказал Бильфингер после анализа принесенных данных и сверки с показаниями приборов.

Ефим Никонов почесал затылок. Жест больше похожий, как глупый человек “чесал репу”. Но Ефим быстро выдал:

— Ветер с залива, судя по утренней депеше, сменился на зюйд-вест.

— Знаю, что ты не дурак. Но отчего-то учится у меня не хочешь. Ответ верный, Ефим, – сказал профессор.

Но как Никонов додумался? Это в голове Бильфингера, привыкшей к строгой логике Лейбница, разрозненные факты вдруг сложились в единую картину. И спросить, как же к подобным выводам пришел и ученик, для профессора было сродни признания своей никчемности.

Атмосферное давление не просто так рухнуло вниз. Там, над свинцовыми волнами Балтики, зарождался колоссальный шторм, который гнал перед собой массу тяжелого, влажного воздуха. И он ударит по Петербургу ровно через три часа.

Бильфингер стремительно подошел к двери и дернул за шнур колокольчика. На пороге тут же возник заспанный денщик.

— Передай флагами и светом с крыши в Адмиралтейство! И пошли вестового, на всякий случай, — скомандовал профессор, торопливо запечатывая записку сургучом. — Передай дежурному офицеру: пусть немедленно бьют в колокола и поднимают сигнальные флаги! Шквальный ветер с залива, возможен подъем воды! Ждать к полудню.

Денщик недоверчиво покосился на окно — там лишь мирно накрапывал мелкий осенний дождик, а ветер почти стих. Но спорить с «академиком» не посмел и умчался прочь.

— Ох, что будет, если не так... Сейчас корабли станут гнать к берегу, готовиться, по городу разнесут, чтобы все по домам шли, артели и мануфактуры работать перестанут... – причитал Ефим.

— Ты же сам видел, что идет шторм, – профессор с прищуром посмотрел на ученика. – Или не видел?

— Да понял я уже все. Но чудно... предсказывать, что будет. Нужно бы в церкву сходить, а то...

Бильфингер только махнул рукой. От церкви обещали защищать. Да и власть русского царя такая сильная, что невозможно представить, как кто-то идет против его слова.

Так что академик вернулся к своему барометру. Он был доволен собой, похож на алхимика, который наконец-то нашел философский камень, только вместо золота он научился добывать время.

Ровно в шесть часов по полудни, когда профессор пил свой горячий сбитень, а Никонов отправился вместо верфи, где должен был подрабатывать, домой, Нева вдруг потемнела и вскипела белыми барашками. Деревья на набережной жалобно заскрипели, пригибаясь к земле. В окна ударил такой силы шквал, что стекла зазвенели, готовые брызнуть осколками. Город накрыла буря.

Но благодаря сообщениям Бильфингера, в порту уже были убраны паруса, корабли надежно пришвартованы к пристаням на дополнительные канаты, а тяжелые ставни казенных складов наглухо заперты.

Немецкий ученый стоял у окна, глядя на бушующую стихию, и торжествующе улыбался. Природа Петербурга была дикой и необузданной, но сегодня человеческий разум, вооруженный стеклом, ртутью и математикой, впервые оказался на шаг впереди нее.

— Человек сильнее тебя! Я тебя вычислил! – словно бы с бушующем ветром говорил академик.

***

— Шторм предрекли! – задумчиво сказал Нартов.

Михаил Васильевич Ломоносов посмотрел на своего начальника.

— Мы работаем, Михайло! Цех кирпичный. Ничего с ним не станется. И на высоте мы, не затопит, – сказал начальник мастерской.

— Профессор Бильфингер – голова! – восхитился Ломоносов.

— А ты, недоросль, давай-ка к работе, – сказал Нартов, словно бы ревновал лучшего из адъюнктов.

И пусть лето прохладное, дождливое, пусть бушеет ураган, но истинное пекло царило не на улице. Оно билось, ревело и дышало сажей под высокими сводами Императорской мастеровой. Не в той, что напротив Зимнего дворца

Здесь, в полумраке, рассекаемом снопами оранжевых искр, рождался левиафан.

Андрей Константинович Нартов, личный токарь и механик государя, вытер закопченным рукавом пот, заливавший глаза.

— Вот она – истинная красота, дела рук человека! А не то что там гадания разные, – сказал Нартов.

Перед ним громоздилось нечто невообразимое. Сплетение начищенной меди, чугунных тяг, могучих клепаных котлов и огромного, в два человеческих роста, балансира. «Огненная машина» — так называл ее сам император Петр Алексеевич.

— Сюда смотри, Михайло!

Нартов опустил взгляд на раскатанные по дубовому верстаку ватманы. Чертежи были испещрены торопливым, угловатым почерком государя. Но Андрей Константинович, знавший Петра с юности, мог бы поклясться на Евангелии: эти формулы, эти безупречные разрезы клапанов и цилиндров чертил не тот Петр, что рубил мачты на верфях.

В последние годы в царя словно вселился иной дух — зрящий сквозь столетия. Чертежи пугали своей невозможной, математической гармонией. Там, где европейские механики Ньюкомен и Севери шли вслепую, чертежи императора предлагали изящное, пугающе совершенное решение: закрытый цилиндр, отдельный конденсатор пара и хитроумную систему золотников.

— Не лезет, Андрей Константинович! Хоть ты тресни, не лезет вал в подшипник!

Голос гулким басом прокатился под сводами. Нартов обернулся. Ломоносов, помня чертеж досконально, не смотрел вновь на него. Он у подножия чугунного цилиндра, по пояс голый, блестящий от пота, как ожившая бронзовая статуя, уже орудовал тяжеленным гаечным ключом. Шестнадцатилетний архангельский отрок. Михайло Ломоносов. Надежда русской науки.

Государь выдернул этого медвежонка с поморских берегов, словно почувствовав в нем родственную, неукротимую стихию. И Нартов, поначалу скептически отнесшийся к «дикому» юноше, теперь не мог нарадоваться. В этом широколобом парне с пудовыми кулаками скрывался ум такой пугающей остроты, что старому механику порой становилось не по себе.

— Остынь, Михайло, — хрипло бросил Нартов, подходя к цилиндру. — Не бери дуром. Это тебе не сети тянуть. Здесь допуск — в волос толщиной. Государь в чертеже указал зазор в десятую долю дюйма.

— Да какой тут зазор, дядька! — Ломоносов в сердцах швырнул ключ на каменный пол. Звон ударил по ушам. Юноша ткнул толстым, измазанным в сурике пальцем в блестящий бок поршня. — Ты на металл глянь! Это же не чугун, это губка! Мы вчерась в котел давление

дали — всего две атмосферы по манометру, как в записях государевых, а из стенок пар пошел! Металл дышит! Пористый он!

Нартов помрачнел. Михайло попал в самую больную точку. Гениальная задумка разбивалась о суровую реальность. Машина требовала немыслимой для нынешних литейных дворов точности и чистоты металла.

— Отбраковка, — процедил сквозь зубы Андрей Константинович, проводя рукой по шершавой чугунной стенке.

— Отбраковка?! — раздался от дверей брезгливый, растягивающий слова голос.

Сказал так, как ребенок обиделся. Снова брак? Да когда же получится?

В мастерскую, брезгливо прикрывая надушенным батистовым платком нос от запаха серы и горелого масла, вошел обер-интендант Литейного ведомства, барон Генрих фон Корф. За его спиной жались двое писарей. На бароне был безукоризненный синий камзол, который казался насмешкой над прокопченными рубахами механиков.

— Вы опять изволите портить казенный материал, господин Нартов? — Корф остановился в трех шагах от машины, рассматривая ее как диковинное, но бесполезное чучело. — Я выделяю вам лучший уральский чугун. А вы, со своими нелепыми фантазиями об огненных мельницах, только жжете уголь.

Нартов сжал челюсти так, что желваки вздулись под кожей. Корфу Нартов не подчинялся. Но вот работать приходилось. Сложно работать. Барон был прижимистым, считал каждый пуд чугуна, словно бы отдавал на мастерскую не свиной металл, а золото. Говорили, что государю такой экономный подход нравится. Но Нартов был уверен, что врут.

Подчиняться не должен. Может даже и требовать с барона. Но сословность... ее то никто не отменял. Пусть Нартов и дворянин, но графа, как ходили слухи, что это будет, не заслужил. Скорее всего, именно это детище и может создать нового русского графа. Но для этого паровая махина должна заработать.

— Вы называете это лучшим чугуном, герр Корф? — Нартов шагнул к барону. И все же, когда дело касается работы, порой, в сердцах, начальник мастерской мог и забыться, что перед ним титулованный чиновник. — В этой отливке шлака больше, чем железа! Вы взяли из казны золото за очистку руды, а прислали мне черновой сляб! Цилиндр не держит пар!

— Вы забываетесь, Нартов! — взвизгнул Корф, бледнея. — Ваша машина — химера! Немецкие академики уже доказали, что пар не может толкать колесо с такой силой. То, что начеркал… то, что выдумал себе государь в горячке — это безумие. А вы и этот дикарь, — он брезгливо кивнул на Ломоносова, — просто криворукие плотники!

Воздух в мастерской, казалось, воспламенился.

Никто не успел моргнуть, как Ломоносов, с быстротой, немыслимой для его медвежьей комплекции, оказался рядом с бароном. Юноша не ударил его. Он просто наклонился к тяжелому чугунному обломку — бракованному вентилю, весившему пуда полтора, — поднял его одной рукой с пола и с грохотом обрушил на дубовый стол прямо перед носом интенданта. Стол жалобно хрустнул.

— Дикарь, говоришь? — тихо, с ледяной яростью в голосе, произнес Ломоносов. Его синие глаза пронзали Корфа насквозь. — А ну, посмотри сюда, ваша милость.

Михайло схватил тяжелый кузнечный молот и с размаху ударил по чугунному вентилю. Тот не просто раскололся — он брызнул в стороны крошевом, как гнилой орех.

— Нартов, угомони своего медведя! – обратился за помощью Корф.

Нрав свой Михайло уже успел проявить. А еще все знали, что государь, словно бы к своему сыну, относился к Ломоносову. А может и был тот сыном? Многие считали, могло ли так быть. Вот за такие подсчеты бывало Михайло, за честное имя матушки своей, носы и разбивал грамотеям.

— Видишь излом, барон? — Ломоносов схватил Корфа за кружева камзола и ткнул его носом к разбитому металлу. — Он серый! Тут углерода втрое против нормы, да пузыри воздушные! Ты не просто вор, барон. Ты — вредитель. Государь за такие шутки на дыбу вешает.

— Пусти! — завизжал Корф, вырываясь из железной хватки подростка. — Я буду жаловаться в Сенат! Вас сгноят в казематах!

— Жалуйся, — холодно отрезал Нартов, подходя ближе и кладя руку на плечо тяжело дышащему Ломоносову. — Только Сенату я покажу вот этот кусок шлака. И расчеты из государевой тетради. Ты что ли их назвал никчемными?

Барон побледнел. Такую крамолу, если на него повесят ее, можно и не отмыть. И эту слабину почувствовал и Нартов.

— Убирайся, Корф. И если к утру здесь не будет болванки чистого, отборного металла без раковин — я сам приду к тебе домой. С этим же молотом, – сказал он.

Барон, попятившись, едва не споткнулся о порог. Бросив полный ненависти взгляд на гигантскую машину, он выскочил за дверь, сопровождаемый бледными писарями.

В мастерской повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь гудением пламени в горне.

На самом деле, они просто никак не могут найти общий язык. Так бывает, что все радеют за хорошее, стремятся сделать свою работу, но она не идет, как следует. Корф скорее не прижимистый, он правильно ведет документы, выдает по нормам, не более. Разбирался бы сам лучше в металле, так и брака меньше было.

Решение было простое – приставить кого знающего металлы к барону и все наладилось. Но до простого решения тоже нужно было додуматься. А еще и уметь говорить о своих проблемах.

Корф ушел. Нартов тяжело опустился на табурет, закрыв лицо руками в мозолях.

— Ты прав, Михайло. Металл не выдержит. Даже если он пришлет чистый чугун, мы не отольем цилиндр с такой точностью. Песок в формах дает шероховатость. Пар будет уходить мимо поршня. Мы в тупике. Чертежи обогнали наше время на век. И не ведаю я как сие возможно.

Ломоносов подошел к верстаку, налил себе из ковша теплой воды, жадно выпил. Затем задумчиво посмотрел на исполинский токарный станок Нартова — шедевр механики, способный вытачивать сложнейшие фигуры.

— Андрей Константинович, — голос Михайла зазвучал иначе. Ярость ушла, уступив место холодному, расчетливому блеску. — А что, если не отливать начисто?

— А как же?

— Отольем болванку с запасом. Меньшим диаметром. А потом… — Ломоносов подошел к чертежу, мазнув по нему грязным пальцем. — Разве ваш суппорт на станке не ходит по прямой? Мы сделаем борштангу. Закрепим цилиндр намертво, а резец пустим внутри него! Высверлим чугун, как дуло у пушки, только изнутри, вкруговую. Снимем стружку, заполируем до зеркала!

Нартов замер. Его глаза расширились. Он смотрел на этого вихрастого юнца из Холмогор и видел то, о чем, видимо, знал загадочный Петр. Идею, которая только что прозвучала, европейские механики не могли изобрести десятилетиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.